

VII Шлангенбадская конференция

**«Какова же дальнейшая перспектива?
Стратегическое партнерство между
безопасностью и демократией»**

Шлангенбад, 6-8 мая 2004 года

Организаторы конференции

Представительство Фонда имени Фридриха Эберта в России, Москва

и

**Франкфуртский институт исследования проблем мира и конфликтов,
Франкфурт-на-Майне**

в сотрудничестве с

Представительством Фонда имени Конрада Аденауэра в России и

Фондом «Единство во имя России», Москва

Как и следовало ожидать, работа Шлангенбадской конференции в нынешнем году проходила под знаком неоднозначных усилий США с целью добиться стабилизации положения в Ираке и демократизации этой страны, а также под знаком дальнейшей консолидации преобладающего влияния Владимира Путина, проявившегося на выборах в Госдуму и на президентских выборах. Помимо того, в центре интереса почти 60 собравшихся в Шлангенбаде участников конференции находилось расширение Европейского Союза (ЕС) на восток и его воздействие на отношения между Россией и ЕС.

На VII Шлангенбадской конференции появились два её новых участника-организатора: Представительство Фонда имени Конрада Аденауэра в Российской Федерации и Фонд во имя единства России (Москва). Руководитель Представительства Фонда им. К.Аденауэра в Москве **Маркус Ингенлат** отметил в своем выступлении, что этот фонд уже 14 лет работает в России, а сам он является четвертым по счету руководителем его Представительства в Москве. Он подчеркнул, что Фонд им. Аденауэра прежде всего стремится развивать диалог между культурами и выразил надежду, что участие представляемого им фонда в Шлангенбадской конференции послужит достижению более высокого уровня сотрудничества между Россией и Германией. **Вячеслав Никонов**, выступавший в качестве президента Фонда „Единство во имя России», подчеркнул всё более возрастающее значение Шлангенбадских конференций. Он указал на то, что Фонд «Единство во имя России» издает журнал «Стратегия для России» и является консультантом руководства фракции партии Единая Россия в Госдуме. **Маттес Бубе** как руководитель Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в России во второй раз участвовал в Шлангенбадской конференции. Он, в частности, представил её участникам новую руководительницу управления международного диалога Фонда им. Фридриха Эберта – **Пию Бунгартен**.

Уже стало традицией, что накануне официального открытия конференции со вступительным докладом выступает **Карстен Д.Фогт** (координатор германо-американского сотрудничества в МИД ФРГ). На сей раз он сделал доклад по теме:

Россия и Запад:

«И дальше так?» - Стратегическое партнерство между безопасностью и демократией

Цель: Партнерство в области безопасности и демократия

В постановке вопроса «Стратегическое партнерство между безопасностью и демократией» ощущается представление, что наше стратегическое партнерство с Россией следует определять в поле напряженности между двумя полюсами: больше безопасности здесь и больше демократии там. Я полагаю, что такая позиция встретила бы больше понимания у многих политиков в самой России. После эры Ельцина многие политики и рядовые граждане России воспринимают годы президентства Путина как фазу консолидации. Это дает опору тем, кто рассматривает внутреннюю стабилизацию страны за счет демократии как вызывающую сожаление, но неизбежную предпосылку для силы и безопасности России. Для многих россиян больше демократии и больше рыночного хозяйства равнозначно хаосу, бессовестному обогащению немногих и утратам во внешнеполитическом престиже страны, и в такой реакции людей – после их практического опыта в периоды правления Горбачева и Ельцина – я не вижу ничего удивительного. Больше безопасности внутри страны, жесткий подход к олигархам, стабилизация экономического положения и растущее уважение в мире: таковы тенденции, за развитие которых выступает президент Путин, и, несмотря на всю идущую с Запада критику растущих авторитарных явлений в политике и обществе России, именно на указанных тенденциях базируется его большая популярность. Я говорю это, будучи полностью осведомленным о положении дел в электронных средствах массовой информации в России. Инакомыслящим пробиться там, конечно, трудно, тем

не менее Путин любим, и это также, но отнюдь не преимущественно, объясняется контролем правительства над телевидением.

Для нас в ЕС и в НАТО этот вопрос стоит несколько иначе. Как далеко может зайти Россия со своей авторитарной стабилизацией, чтобы при этом желаемое стратегическое партнерство не лишилось своей почвы в виде общих демократических ценностей? Ведь уже теперь внутреннее развитие России получает в германских средствах массовой информации все более скептические освещение и интерпретацию. Едва ли в ЕС есть какая-нибудь другая страна, которая так интересуется и восхищается Россией, как Германия: историей России, её умными людьми, её великолепной культурой, её потенциалами и шансами. Германия является пока единственной страной, в которой человек в качестве московского корреспондента телекомпании стал подлинной телезвездой. Едва ли хоть один вечер проходит без того, чтобы германским телезрителям не было предложено сообщение из России, известие из мира знаний или репортаж о путешествии. Многие немцы знают своих сограждан, которые с 80-х годов стали переселяться в ФРГ из стран нынешнего СНГ. Между тем их численность в Германии стала больше, чем сограждан турецкого происхождения. Но эта близость – Россия прямо-таки в окне комнаты и как соседка – ведет также в точному запросу в адрес бундестага и федерального правительства относительно того, что мы должны сказать России в политическом плане, как мы мыслим себе обойтись с недемократическими аспектами стабилизации в России, как мы хотим улучшить положение дел с правами человека в России в целом и в Чечне в особенности. И в то время как правительство Германии решительно и твердо придерживается своей политики стратегического партнерства с Россией, я в своих публичных выступлениях и личных беседах конфронтирую с ним по принципиальному вопросу: «Можем ли мы с Россией, которая в последние годы стала, кажется, авторитарной, выстраивать и расширять стабильное и долгосрочное стратегическое партнерство?».

Элементы нашего партнерства

Позвольте мне сначала в качестве ответа на эти критические вопросы обрисовать элементы нашего партнерства с Россией, как они развивались и что они представляют собой сегодня. Важнейшими партнерами России являются ЕС, США и НАТО. Те в Москве, кто полагает самым важным глобальную военную силу, важнейшим партнером будут считать США. Те, кто на передний план ставит экономическую и общественную модернизацию, скорее отдадут приоритет партнерству с ЕС и его членами-государствами. Членам-государствам ЕС, как и прежде, присуще основное убеждение стратегического характера: центральные внешнеполитические вопросы не могут быть решены без или против России, а могут быть решены только совместно с ней и при этом лучше, чем с кем-либо другим. Это относится к борьбе с терроризмом, но также и к другим глобальным задачам, как продолжение разоружения и контроль над вооружением, воспрепятствование распространению оружия массового уничтожения, урегулирование региональных конфликтов вблизи России и на Балканах, борьба с организованной преступностью, защита климата, усиление многополюсного инструментария для защиты мира и безопасности, особенно в Организации Объединенных наций. Если мы в этом отношении о России слышим мало, то во многих (если не во всех) случаях это означает нечто положительное: сама Россия не воспринимается больше как проблема, а как само собой разумеющаяся часть её решения и как партнер, с которым существует высокая степень договоренности. Я назову только совместные политические усилия в международном квартете на Ближнем Востоке, в котором Россия конструктивно сотрудничает.

Европейский Союз и Россия

Сегодня в центре отношений между ЕС и Россией находится политическое сотрудничество, направленное менее всего во вне, а главным

образом на решение вопросов, которые непосредственно касаются экономических интересов обеих сторон и судьбы собственных граждан. После расширения (1 мая 2004 г.) ЕС на восток на входящие в него страны приходится более 50% внешнеторгового оборота России. Германия и Россия заключили соглашение об ослаблении визового режима для определенных групп населения, которое может стать образцом для ЕС. На встрече в верхах в Санкт-Петербурге наши страны приняли решение о создании четырех европейских пространств с вхождением в него России и ЕС: общее экономическое пространство, пространство свободы и безопасности, пространство внешней безопасности и пространство культуры, образования и научного исследования. На встрече в верхах ЕС и России в мае 2004 года должно быть принято решение о содержательных конкретизациях для этих четырех пространств; главными разработчиками этих конкретизаций являются Франция и Германия. Концепция общего экономического пространства уже имеется в готовом виде; она была утверждена в ноябре 2003 года на встрече в верхах в Риме. Впрочем, эта встреча прошла не совсем удовлетворительно, так как во время подготовки к ней Россия в отношении ЕС частично вернулась к старому образцу двухполюсности. Кое-кто в ЕС воспринял это как подход к политике по древнеримскому принципу «разделяй и властвуй», имея в виду стремление России привлечь на свою сторону только итальянского президента. В заключительном протоколе встречи не было упомянуто ни о положении с правами человека в Чечне, ни о том, что Россия хотела бы по возможности быстро ратифицировать Киотский протокол. Если кто-нибудь в Москве захотел бы воспринять это как победу российской дипломатии, то ему следовало бы посоветовать самокритично проверить, а не было ли это Пирровой победой. Ведь после встречи в верхах в Риме ЕС принял решение о принципиальной проверке отношений к России. В результате и без того уже сильно и четко выраженное желание больше внимания обращать не на формальную сторону решений, а на их конкретное содержание, получило более сильную артикуляцию. В этой связи Вы могли

бы вспомнить о том, какое большое удивление в Москве вызвала публикация сообщения Комиссии ЕС. Ибо многие в Москве, вероятно, считали, что эта Комиссия не что иное, как абсолютно безвластный секретариат какой-то международной организации. В том случае, если оценка ЕС была действительно таковой, то назначение российского посла в ЕС М.Фрадкова новым премьер-министром России, несомненно, поможет намного лучшему пониманию роли Комиссии ЕС и ЕС в целом. Это, в свою очередь, могло бы значительно облегчить сотрудничество между ЕС и Россией.

Авторитарная стабилизация?

Что касается самой России, то Европа лишь с небольшим удивлением взирает на концентрацию власти в Кремле – она не была и не является неожиданной. Впрочем, она не является также чем-то необычным для стран с президентской демократией, как, например, для США. Центральная проблема политического развития России состоит в том, что Кремль осуществляет свою власть без фактически функционирующих демократического и государственно-правового контроля и противовеса. Немногие оппозиционные голоса в Госдуме либо становятся малоэффективными вследствие парламентских процедур (как долгие парламентарий я знаю эти методы достаточно хорошо), либо пополняют ряды партии, стоящей у власти. Юстиция, как и прежде, не является в действительности полностью независимой. Афера с «Юкосом» рассматривается многими в ЕС и США как пример выборочного применения права. Четвертая власть поделена: свободе печатных средств информации противостоят находящиеся под контролем Кремля несравнимо более важные для страны такой величины, как Россия, электронные средства информации. Парламент фактически является продолжением правительственного аппарата и его влияние весьма ограничено. Многие в США и ЕС предполагают, что то, что российским дипломатам не удастся закрепить по итогам переговоров в совместно принятых заявлениях или договорах, в конечном счете облекается в форму резолюций Госдумы. Такое случилось, например, в связи с

распространением Договора о партнерстве и сотрудничестве на новых членов ЕС.

США и Россия

Во взглядах на Россию в США я наблюдал критические элементы, но все же больше было позитивных. Администрация президента Буша, с одной стороны, придерживалась стратегической линии предшествующего правительства президента Клинтона. С Россией обходятся как со стратегическим партнером, но зачастую как неравноправным. В одном только 2001 году было четыре встречи президентов Буша и Путина. С другой стороны, в важных средствах массовой информации США Буша упрекнули в политической незрелости и личной наивности за его позитивную оценку президента Путина и хорошее отношение к нему. Буш был вынужден своё первое большое интервью (газете «Уолл-стрит джорнэл») в качестве президента посвятить корректировке отмеченного впечатления.

Но американский подход оправдал себя, так как после трагического события 11 сентября 2001 года Москва приняла важное стратегическое решение. Оно включает в себя, в частности, действенную солидарность с Западом в борьбе против угрозы терроризма, открытие воздушного пространства для перелетов, предоставление оперативной информации, проявление определенного понимания относительно пребывания войск стран Запада в Центральной Азии, заявление о том, что операция США против талибов в Афганистане отвечает также интересам безопасности России.

Война в Ираке привела к охлаждению отношений между США и Россией. В Вашингтоне с самого начала не ожидали, что Россия примет участие в этом военном походе. Недовольство осуждением войны Москвой удерживалось в границах. Тем не менее враждебное отношение к войне, публично выражаемое сторонниками российского правительства, послужило поводом для того, чтобы вновь более сильно критиковать Россию. Решающим катализатором критики России в США стал арест Михаила Ходорковского. Выросло давление на администрацию президента Буша

отказаться «наконец» от своей «наивной» позиции и увеличить дистанцию в отношении России. Стали модными сравнения России с Китаем, произошел решительный поворот к теме «авторитарной модернизации» в России. Администрация президента частично поддалась этому давлению и слегка изменила акцентировки в своих позициях. Это нашло, в частности, свое выражение в статье государственного секретаря К.Пауэлла в газете «Известия», в которой он ясно показал дефицит демократии в России. Более сильной была эта критика в статье посла США в России А.Вержбоу, посвященная президентским выборам в России, а также в высказываниях Пауэлла по этому же поводу.

Несмотря на эти ясные и со всей откровенностью изложенные позиции правительства США в поле напряженности между демократией и безопасностью, основополагающая оценка США не претерпела изменения: у России на переднем плане всё еще находится потенциал для плодотворного сотрудничества. И на последней встрече в верхах президентов Буша и Путина Россия и США по-новому обрисовали свое сотрудничество: вместо туманного, высокопарного заявления был принят – не в последнюю очередь по настоянию США – «контрольный реестр» с подробным указанием конкретных дат достижения согласованных целей и ответственных за это, назначенных с обеих сторон лиц.

НАТО и Россия

Отношения между НАТО и Россией также развивались, причем в позитивном плане. Заключение ими Основного договора о взаимных отношениях сотрудничества и безопасности было первым большим продвижением к установлению партнерства с Россией в области безопасности. Однако эта первая попытка стала жертвой кризиса в Косово. Возможно также, что обе стороны еще не созрели для настоящего, свободного от предубеждений сотрудничества. В НАТО всегда считалось обязательным держать ряды сплоченными на базе даже самого малого согласия. Российские представители, со своей стороны, поначалу почти не

были готовы к компромиссам. Это в особенности относится к военным, которые в начале практического сотрудничества с НАТО пытались уклониться от него. Совместные операции в Боснии и Косово являлись, к сожалению, исключением.

Учрежденный в 2002 году Совет НАТО – Россия был, напротив, прыжком вперед. Совет принес подлинное улучшение сотрудничества. В Совете не сидят напротив друг друга государство и организация. В нем под руководством Генерального секретаря НАТО совещаются и принимают решения формально равноправные партнеры. Обе стороны работают с ориентацией на достижение результата и конструктивно используют предоставленные им возможности для переговоров. Российские военные почти полностью отошли от своего старого представления о НАТО как враге. Давно устаревшие предубеждения относительно России со стороны НАТО встречаются все реже. Россия и государства НАТО совместно работают над оценкой террористических угроз. Они проводят совместные военные учения по реалистическим сценариям, проводят операции с использованием воздушного транспорта, упражняются в спасении подводных лодок и ищут возможности для сотрудничества в области обороны от ракет нестратегического значения. Совместная ответственность и совместное решение обуславливают друг друга. Необходимое для этого доверие друг к другу растет. На этом пути НАТО и Россия благодаря конкретным проектам сотрудничества достаточно хорошо продвинулись вперед. Это находит подтверждение также в благоприятно сдержанной реакции российской стороны на второе расширение НАТО.

«И дальше так» - это слишком мало

На вопрос «И дальше так?» я хотел бы ответить твердо: для меня это слишком мало. России, с одной стороны, и ЕС, США и НАТО, с другой, следует еще больше, чем до сих пор оценивать свои отношения с точки зрения того, как в их развитии достигается настоящий, существенный прогресс и именно в духе партнерства обеих сторон. В НАТО этот подход

уже функционирует, США действуют согласно «контрольному реестру», а в ЕС после первого заседания Постоянного партнерского совета 27 апреля 2004 года возникло впечатление, что Россия также ищет сотрудничества с новым размахом. Следовательно, здесь имеются новые шансы.

Выстраивание долгосрочного стабильного стратегического партнерства между Россией, с одной стороны, и ЕС, США и НАТО, с другой, нуждается, конечно, не только в общности интересов, но также и в общности основополагающих ценностей. К таким ценностям относится не только признание, но и также реальность плюралистической демократии, правового государства, свободы средств массовой информации и, разумеется, уважения прав человека. Во внешнеполитической области для ЕС имеет непереносимое значение, но не обязательно в той же мере для США, - многополюсность, цивилизованное улаживание конфликтов и уважение международного права. Если провести сравнение этого канона с российским, станет ясно, что по одним ценностям существует лишь частичное, а по другим значительное совпадение.

Никакого совпадения нет в понимании постнационального суверенитета; тут Россия, как и США, в качестве континентальной державы все еще пребывает, с германской точки зрения, в плену устаревших понятий. Частичное совпадение имеется по внутренним ценностям. По сравнению с советским временем, которое закончилось всего лишь 15 лет назад, свобода и правовое государство нормативно и отчасти также на практике совершили прорыв в России; то же самое относится и к демократии. Бесспорно, однако, что нам, а также самой России здесь виден дефицит в реализации. К сожалению, в отдельных сферах наблюдается не только дефицит реализации, но и попятное движение. Но мы ловим на слове президента Путина, который после своего переизбрания обещал сделать всё необходимое для того, чтобы демократизация России продолжалась.

Представляется, что полное согласие может быть достигнуто в стремлении добиться, чтобы отношения государств друг с другом

обязательно базировались на нормах международного права, и в стремлении укрепить многополюсность. Во всяком случае в этом ключе следует понимать высказывания Москвы о системообразующей роли ООН, её организаций и её режима деятельности. Но внутри ЕС и НАТО имеются различные взгляды относительно того, насколько это согласие носит принципиальный и долгосрочный характер и насколько оно зависит от ситуации.

В ЕС и НАТО и в государствах-членах этих обеих организаций раздаются весьма авторитетные голоса, которые, ссылаясь на поведение России в пространстве СНГ (в качестве актуальных примеров приводятся Грузия и Молдавия), утверждают, что там, где Россия располагает для этого достаточной силой, главную роль играет не принцип многополюсности и не уважение норм международного права, международных соглашений и институтов.

У части политического класса России, в том числе среди политиков в области международных отношений, все еще в ходу представление о дипломатии как игре с нулевой суммой. Председатель комитета по внешней политике в Совете Федерации М.Маргелов сравнил отношение между Россией и Западом со схваткой боксеров, в которой российская сторона стремится одержать победу по очкам, так как нокаутом она недостижима. В таких картинах проявляется тот образ мышления, который является одной из причин недоверия к России, в особенности у политиков Восточной и Центральной Европы и Прибалтики. Многие германские политики и правительство ФРГ пытаются противодействовать этому недоверию. Но Россия при этом должна еще больше, чем до сих пор, помогать реальными фактами.

Стратегические партнерства нельзя выстроить на основе образцов антагонистического мышления. Мы, немцы, хотим формировать наше совместное соседство с Россией не в духе боксерского боя, а в духе

непринужденных и доброжелательных отношений между европейскими соседями, где все являются победителями и где нет побежденных.

Для этого мы нуждаемся в таком ЕС и такой НАТО, которые готовы к долгосрочному стратегическому партнерству с Россией, и в такой России, которая постепенно, но действительно осуществляет больше демократического плюрализма и больше правовой государственности и проявляет больше уважения к правам человека.

Я надеюсь и уверен, что политика Германии и политика России с их соответствующей специфической ответственностью будут содействовать осуществлению этого оптимистического сценария.

В последовавшей дискуссии проф. **Эрнст-Отто Чемпиль** (Франкфуртский институт исследования проблем мира и конфликтов) поначалу заметил, что он рассматривает Россию как страну, находящуюся на ранней стадии развития. Поэтому для нее не подойдет никакая система западной демократии. Если Запад примет это во внимание, то шансы оказывать влияние на развитие в России увеличатся. Причины попятного движения в процессе демократизации в России разнообразны. К ним относятся и вызовы внешнего характера: расширение НАТО и ЕС на восток, рост мощи США, война в Ираке и вооружение Японии были восприняты в России как потенциальная угроза. Помимо того, у российского генералитета имеются серьезные оговорки относительно Договора об обычных вооружениях и обычных вооруженных силах в Европе (Договор ОВ и ОВС в Европе). Одним словом, Россия будет располагать большей безопасностью, если не подпишет этого Договора. В заключение Чемпиль задался вопросом: нельзя ли было всё это предвидеть заранее.

Возражая Чемпилю, **Карстен Д.Фогт** сказал, что такую аргументацию ему уже приходилось слышать довольно часто. Он подчеркнул, что не верит в правильность тезиса, что внешнеполитическое положение России препятствует президенту Путину осуществлять демократизацию страны. Оно может оказывать воздействие, но не в таком масштабе, как это полагают

некоторые эксперты. Относительно проблематичности Договора об ОБ и ОВС в Европе Фогт согласился с Чемпилем и добавил, что на месте российского военачальника он бы тоже проявлял беспокойство.

Вячеслав Никонов (президент Фонда «Единство во имя России») заявил, что воспринял доклад Фогта как послание России и представил себе, что слушает его ушами президента Путина. Путин не согласился бы с содержанием доклада Фогта. Все замечания Фогта также давно известны. Никонов подчеркнул, что Путин ведет свою страну по вполне демократическому пути и что у нее имеется хорошее сотрудничество с Западом. Вывод Никонова: позиция Фогта, если она отражает установку германского правительства, заведет отношения между ЕС, Россией и НАТО в тупик.

Фогт, отвечая Никонову, сказал, что в критике он видит признак силы, а не слабости. Потенциально Россия является частью Запада. «Послание» его доклада состоит в том, что стратегическое партнерство России с Западом возможно только тогда, когда у них существуют общие ценности, так как одних только общих интересов для этого недостаточно.

По мнению **Андрея Загорского** (Представительство Фонда им. Конрада Аденауэра в РФ), в дискуссии упущен традиционный российский образ мышления. При Ельцине Запад проявлял больше сочувствия России. К Путину относятся намного критичнее, чем к Ельцину. Но никто из западных политиков не озвучивает критику в адрес Путина в его присутствии. Никонов поставил себя на место Путина. Но Путин никогда не слышит такой критики, как у Фогта.

Фогт подчеркнул, что он не поклонник Ельцина и не критик Путина. На его взгляд, Ельцин не был хорошим политиком хотя бы потому, что не позволял давать себе советы. Путину следовало бы позитивно обрабатывать критику в свой адрес. К сожалению, в рамках германо-российских отношений критика на высшем уровне тотчас воспринимается как полная компрометация собственной позиции.

Константин Эггерт (шеф-редактор Московского бюро Российской службы Би-Би-Си) констатировал существенное различие между российским представлением о ценностях и представлением о ценностях внутри ЕС. **Хайнц Тиммерманн** (бывший руководитель исследовательской группы Фонда науки и политики, Берлин) также отметил, что для Германии и России партнерство означает не одно и то же. Россия связывает с понятием «партнерство» в первую очередь модернизацию России. Для Германии и Европы в целом это понятие включает в себе плюрализм ценностей. Между этими представлениями действительно есть большое различие. Вместе с тем Тиммерманн призвал не выдвигать на передний план дискуссию о ценностях, а сначала обсудить позитивные темы, например, тему практического сотрудничества в области экономики.

Завершая вступительную часть работы Конференции, Карстен Д.Фогт согласился с тем, что, конечно, правильно выдвигать на передний план общие интересы. Но своим докладом он хотел проявить инициативу с целью вызвать именно критическую дискуссию. У него остаются сомнения относительно методов демократизации в России и озабоченность последствиями их применения.

Первое заседание

Возникновение империй или альянсов?

Политика в области безопасности в тени США

Ведущий первого заседания Шлангенбадской конференции **Ханс-Йоахим Шпангер** (заместитель управляющего Франкфуртского института исследования проблем мира и конфликтов, Франкфурт-на-Майне) отметил, что эти конференции давно уже стали довольно точным отражением российско-германских отношений. Так, в 2003 году в центре внимания оказался мнимый распад Запада, что находило свое выражение в образовании «антивоенной оси» в составе Парижа, Берлина и Москвы, равно как и в том факте, что, по меньшей мере в Шлангенбаде, США за свой образ действия в Ираке подверглись более ясной критике со стороны германских, чем со

стороны российских участников конференции. Но в истекшем году, как представляется, напротив, произошло нечто вроде реконструкции Запада, и опять-таки вновь в явном отграничении от России, где прежде всего критически фиксируют шаги назад в области демократии. Так, ЕС осуществил проверку своих отношений с Россией. И в США идут очень критические дебаты, которые, как уже отмечалось, нашли свое выражение, в частности, в статье К.Пауэлла в газете «Известия». Отношения Путина с канцлером Германии, равно как и с другими руководителями западных правительств, по меньшей мере, являются такими же хорошими, как и во времена Ельцина. Поэтому, как и тогда, возникает вопрос, можно ли отношения между странами сводить к дружбе государственных мужей.

Переходя непосредственно к повестке дня, Шпангер выдвинул два вопроса. Вопрос в адрес России: нуждается ли партнерство в общих ценностях и в конкретном совпадении политических порядков. У Запада необходимо спросить о значении одного из этих масштабов. Ведь им всё-таки была обоснована война в Ираке, которая, хотя и смогла устранить старый режим, но никоим образом не смогла осуществить Regime Change или необходимое Nation Building. Нужно также поставить вопрос о значении социально-экономических и культурных предпосылок в политике Запада.

В своем докладе **Хайнрих Фогель** (Правление Фонда науки и политики, Берлин) заявил, что 11 сентября 2001 года является важным событием для стратегического мышления США в области безопасности. Они стремились к неуязвимости, но утратили свое преимущество в технологии вооружений в ходе военных кампаний в Афганистане и Ираке. После того как выяснилось, что США в Ираке не могут в одиночку заниматься Nation Building, они опять реактивировали своих партнеров и ООН. Причем событие 11 сентября в качестве дисциплинирующего мероприятия продолжает использоваться против союзников. Несмотря на всё свое военное превосходство, в рамках конфликтов глобального значения США продолжают нуждаться в международном сотрудничестве. И в будущем

вновь потребуются ООН. Только международные организации в состоянии улаживать глобальные конфликты. Но это включает в себя передачу части государственного суверенитета международным организациям, чего не хотят ни США, ни Россия. В будущем у ЕС есть шанс упрочить свой профиль в области политики безопасности и увеличить свое влияние в международном масштабе. ЕС благоприятствует то обстоятельство, что на международной арене сила всё больше используется как влияние. Администрация президента Буша проецирует картину непрерывной террористической опасности, чтобы сохранить свою силу. Но при этом она калечит старую либеральную демократию. В заключение Фогель, имея в виду методы демократизации, используемые США на Ближнем Востоке, подчеркнул, что призыв «Технократы в области политики всего мира, объединяйтесь!» - не может быть лозунгом. Это уже глобальная тенденция.

Сергей Кортунов (директор Комитета внешнеполитического планирования, Москва) в начале своего доклада название первой части конференции «Формирование империй или альянсов – Политика безопасности в тени США» перефразировал в «Треугольный четырехугольник». Он напомнил, что Карстен Фогт охарактеризовал Россию как часть европейской семьи. Поэтому ЕС по праву предъявляет столь высокие претензии к России и весьма озабочена её внутренним развитием. ЕС нет нужды проявлять слишком большую озабоченность относительно России, потому что президент Путин провозгласил модернизацию страны главной задачей своего второго президентского срока. Это включает в себя выстраивание демократических институтов и развитие России в направлении превращения в постиндустриальное общество. Но последнее возможно только тогда, когда Россия интегрируется в свое окружение. Кортунов сравнил нынешнее положение России с началом интеграции ФРГ в Европейское Экономическое Сообщество и связанным с этим поворотом в развитии – к постиндустриальному обществу. Путин может приступить к

развитию в этом направлении, так как он является в настоящее время самым большим демократом в России и хочет спасти демократию.

В заключение Кортунув выдвинул несколько тезисов к актуальной дискуссии об Empire Building. Во-первых, понятие империи не является абсолютной категорией. Во-вторых, время империй возвращается. В-третьих, США не являются империей. Здесь речь идет о мифе, хотя США и считают себя империей. По мнению Кортунова, критерии империи суть следующие: благополучие внутри империи, дефиниция исторического проекта, терпимость по отношению к другим культурам, ответственность за всех жителей империи и, наконец, имперский этос. США не отвечают требованиям этих критериев и в конечном счете представляют собой супердержаву, которая в сфере внешней политики хочет иметь свободу рук. Поэтому США не могут взять на себя глобальное руководство. Это означает, что ЕС и Россия во всё большей мере объективно призываются к такому руководству. Россия готова к этому уже сейчас, ЕС должен еще учиться этому. Кортунув констатировал кризис глобального руководства и отметил, что не функционирует ни один инструмент коллективной безопасности. Причины кризиса глобального руководства он видит в кризисе НАТО, у которой нет никакой политической воли, и в неспособности ЕС осуществлять политику в области безопасности. В свете сказанного Кортунув резюмировал, что сегодня США, ЕС и Россия представляют собой три равноправных субъекта.

Эгон Бар (федеральный министр в отставке) в начале своего доклада подчеркнул, что США ни в коей мере не развивают свою политику в соответствии с принципами классической теории империализма. США являются сильнейшей страной в мире, они хотят оставаться ею и одновременно воспрепятствовать возникновению более сильной страны или более сильного, чем они, союза, состоящего из нескольких стран. США не стремятся к мировому господству, а только к господству в определенных регионах. Они хотят господства там, где это соответствует их интересам. Бар

считает, что впервые в мировой истории глобальная держава существует и что за этим следует тщательно наблюдать. До сего времени остальной мир пережил только один опыт с этой новой глобальной державой в 2003 году в виде американского военного похода в Ирак. Поскольку эта война была нелегальной, Германия не имела права участвовать в ней. Бар подчеркнул, что эта германская позиция в отношении США была полностью новой. В первый раз Федеративная Республика Германия в конфликте стала не на сторону США, а на сторону Франции. Бар полагает, что канцлер Герхард Шрёдер, приняв такое решение, поставил себя в один ряд с выдающимися канцлерами ФРГ К.Аденауэром, В.Брандтом и Х.Колем.

Бар отметил, что Джордж Буш – старший после окончания «холодной войны» пришел к выводу, что США одни как *primus inter pares* в состоянии создать новый мировой порядок, но что они сами также должны подчиняться его правилам. Молчание Джорджа Буша – старшего относительно войны в Ираке, по мнению Бара, свидетельствуют о том, что он не одобряет политики своего сына. Бар выразил убеждение, что Джордж Буш – младший будет продолжать взятый им курс, не обращая внимания на другие страны или организации. Осуществление доктрины безопасности США, принятой в сентябре 2002 года, будет продолжаться, по крайней мере, до тех пор, пока не произойдет изменений в американских интересах. На взгляд Бара, с приходом нового президента, вполне вероятно и появление новой политики, но что не претерпит никаких изменений, так это интерес США быть и оставаться глобально самой мощной страной. Влияние на это какой-либо другой страны исключено.

В связи с критикой С.Кортуновым неспособности ЕС к проведению общей политики в области безопасности, Бар указал на военную слабость ЕС. Но армия ЕС не должна быть такой же сильной, как и армия США. Бар не согласился также с оценкой Кортунова политики президента Путина. Он не считает Путина демократом. США «преподнесли» России демократию и хотят такие же демократии октроировать в государствах Ближнего Востока.

В заключение Бар еще раз остановился на положении в ЕС. По его мнению, ЕС слишком быстро расширил свои ряды и слишком медленно углублял свою деятельность. ЕС нужно время для консолидации и приспособления своих институтов к своим 25 государствам-членам. Кроме того, Бар подчеркнул необходимость общей политики ЕС на Ближнем Востоке, которой еще никогда не было. В обозримое время не должно быть больше никакого расширения ЕС.

Открывая дискуссию, **Гюнтер Йотце** (посол в отставке) отметил, что не только Франция и Германия символизировали позицию ЕС относительно войны в Ираке. Большинство стран ЕС в начале этой войны было на стороне США. **Эрнст-О.Чемпиль** считает, что война в Ираке впервые вызвала к жизни европейское общественное мнение. Он подчеркнул, что в области международных отношений необходимо применять ясно сформулированные понятия и в этой связи нужно переосмыслить понятие «партнерство», так как своим происхождением оно обязано не политической науке и поэтому в нем отсутствует конкретное содержание. Применение вместо этого таких понятий, как интеграция, ассоциация, альянс или зона свободной торговли, благодаря их содержательности эффективны. **Бар** откликнулся на инициативу Чемпиля и определил понятие партнерства как «согласование интересов и поиск общих интересов». **Хайнц Тиммерманн** подчеркнул, что партнерство между ЕС и Россией больше, чем сотрудничество, но меньше, чем членство России в ЕС. **Сергей Медведев** (Центр имени Джорджа Маршалла, Гармиш-Партенкирхен) ответил на замечание С.Кортунова о том, что империализм невозможен без империй. Он заявил, что, хотя постиндустриальные общества не имеют ни желания, ни возможности выстроить империалистическую систему, США хотят быть империалистическими.

Клаус Виттманн (бригадный генерал, начальник учебной части, Командная академия бундесвера, Гамбург) обратился к Эгону Бару в связи с тем, что он охарактеризовал Герхарда Шрёдера как выдающегося канцлера,

потому что последний пытался вместе с Францией выстроить общую политику ЕС в отношении войны в Ираке в 2003 году. Но, подчеркнул Виттманн, ведь тот же Шрёдер в 2001 году заявил, что ФРГ никогда не должна принимать решение о выборе себе партнера между США и Францией. Бар возразил, что у Шрёдера не было никакого другого выхода, кроме как сделать выбор между США и Францией, и добавил, что в этом пункте Шрёдер стал умнее. **Ульрих Бранденбург** (заместитель директора по политическим вопросам, МИД ФРГ), также обращаясь к Бару, заметил, что ЕС не располагал 15 годами, чтобы консолидироваться. Кроме того, постоянно возрастает значение ЕС в улаживании кризисов. Теперь задача ЕС состоит в том, чтобы развивать политико-военный потенциал. В заключение он еще раз возразил Бару, заявившему, что у ЕС имеется вполне единая политика на Ближнем Востоке. **Эгберт Йан** (профессор политологии и современной истории, Университета Мангейме) подчеркнул, что центральный вопрос заключается в том, какое влияние Россия и ЕС оказывают на поведение США в Ираке. **Эрнст-Йорг фон Штудниц** (посол в отставке, председатель Германо-Русского Форума, Берлин) полагает, что ЕС неизбежно находится в тени США. Фон Штудниц, как и Бар, исходит из того, что никто не может оказать влияние на решения США. Он верит, однако, в существование общих ценностей у Германии и России и подчеркивает, что ценности и интересы обуславливают друг друга. **Андрей Загорский** также придерживается взгляда, что политика Европы в области безопасности останется и в будущем в тени США. И пока нет никаких реальных предложений для преодоления этого состояния. В реплике, адресованной Картунову, он отметил, что Россия и ЕС слишком слабы, чтобы быть равноправными с США. Россия может выбирать, но только между тем хочет ли она быть младшим партнером или нет.

Александр Рар (Германское общество внешней политики, руководитель филиала Фонда им. Кёрбера по вопросам России и стран СНГ, Берлин) напомнил о том, что в начале 2001 года Россия лавировала между

позициями США, с одной стороны, и Франции с Германией, с другой, чтобы в конце оказаться на правильной стороне. Сергей Кортунов в заключение отметил, что он хочет говорить не о лавировании России в международной политике, а о ее прагматической деятельности. По его мнению, общенациональный интерес России должен состоять в поиске сотрудничества в США, чтобы располагать возможностью оказывать влияние. Россия ни в коей мере не заинтересована в том, чтобы США потерпели провал в Ираке. Несмотря на расхождение во мнениях между Россией и США относительно российской внутренней политики, продолжает и дальше существовать хороший диалог между обоими государствами.

Несмотря на то, что некоторые страны, как, например, Польша, изменили свой политический курс, ветер мировой политики, считает **Хайнрих Фогель**, дует не в паруса США. Вместе с тем он полагает, что даже смена правительства в США не приведет их к повороту к многополюсности. Чувство господствующего положения США в мире укоренилось в американском обществе и извне его изменить нельзя. Принимая во внимание нынешние высокие цены на нефть, весьма ограниченную возможность ЕС для внешнеполитической деятельности и крупные проблемы США в Ираке, Россия находится в комфортабельной позиции. Однако этого недостаточно для какой-либо руководящей глобальной позиции. Задача ЕС, заявил Фогель, состоит в том, чтобы осознать границы влияния американской сверхдержавы и одновременно указать России на её лавирование. **Эгон Бар** еще раз обратил внимание на опасность дополнительного расширения ЕС. Уже сейчас внутри ЕС господствует возросшее давление ожиданий на богатые государства-члены. Необходимо, согласно Бару, не только институционально мыслить, но и принимать во внимание вес национальных государств. Это отнюдь не означает, что автоматически произойдет возврат к категориям национального государства.

Второе заседание

Конкуренция за Китай?

Открывающиеся возможности и риски на Дальнем Востоке

Хайке Хольбиг (институт исследований проблем Азии, Гамбург) начала свой доклад с краткой характеристики германо-китайских отношений с начала 1990-х годов. При этом она подчеркнула значение Китая как растущего рынка для Германии. Объем двусторонней торговли составляет 50 млрд.долларов и должен вырасти к 2010 году до 100 млрд.долларов. В последние 25 лет китайская экономика росла в среднем на 9% в год. Целью руководства компартии Китая является сделать страну Global Player. Здесь Хольбиг задалась вопросом, насколько оправданы ожидания, связанные с Китаем. Ведь в Китае устаревшие государственные предприятия, усиливающееся давление конкуренции в результате вступления в ВТО, банковская система с изъятиями и недостаточное социальное обеспечение. Имея в виду эти огромные вызовы, Хольбиг вновь отметила высокую способность компартии Китая управлять страной, что поможет справиться с указанными проблемами. Весьма негативно в Китае восприняли методы и способы проведения российской трансформации. С российской трансформацией в сознание многих китайцев вошли только демонтаж существовавших структур, анархия и коррупция. На китайский взгляд, в России господствует примат политики, в то время как в Китае фактор экономики доминирует над политическими темами. Большинство китайцев хочет сохранить партийные структуры и упомянутые экономические проблемы решать посредством растущего роста экономики. Однако, не исключено, что динамика экономического поворота повлечет за собой ослабление компартии, поскольку разрушение её социальной базы усиливается. Так как политическое давление в пользу проведения реформ растет, компартия опробывает практику тесных отношений с теми, кто выигрывает от проведения реформ. Хольбиг подчеркнула, что она не верит в крах политического строя в Китае.

В начале своего доклада **Вячеслав Никонов** отметил, что, согласно прогнозу «Goldman-Sachs» - консультанта предпринимателей, в 2050 году Китай будет находиться на вершине экономического развития, опережая США, Индию, Японию и Бразилию. Но в Китае не размышляют о трансформации собственной страны. Китайское самовосприятие исходит из того, что Китай обладает более высокой культурой, нежели Запад, что он является богатой страной и что он вполне управляем одной партией. Поэтому, считает Никонов, прогноз «Goldman-Sachs» реалистичен. Самым большим вызовом XXI века является интеграция Китая в международную систему, причем Китай уже сейчас интегрирован в нее лучше, чем Россия. Россию и Китай объединяет ряд общих позиций. Обе страны стремятся решить корейский вопрос, усилить роль ООН, воспрепятствовать распространению оружия массового поражения и создать многополюсность в международных отношениях. Во всяком случае треугольник в составе России, Китая и Индии, в создании которого активное участие принимал Примаков, отслужил свое, так как он был направлен против США. Никонов подчеркнул значение Китая как торгового партнера для России. Китай приобретает очень много вооружения у России и тем самым обеспечивает выживание российского военно-промышленного комплекса. Россия может также обеспечить Китай ресурсами. Наконец, Никонов затронул еще не обсуждавшийся между двумя странами вопрос о китайской иммиграции в Россию. Иммиграция хорошо образованных китайцев может стать очень важной для России в долгосрочном плане, так как в связи с сокращением численности населения Россия испытывает дефицит рабочей силы.

В начале дискуссии **Роланд Гётц** (руководитель исследовательской группы «Российская Федерация», Фонд науки и политики, Берлин) подчеркнул относительность прозвучавших прогнозов, указав, в частности, на огромную зависимость Китая от экспорта готовых товаров и его большую зависимость от импорта энергетических ресурсов. **Карл Гробе-Хагель** (газета «Франкфуртер Рундschau», Франкфурт-на-Майне) задался вопросом,

не разрушит ли экономический рост господство компартии на долгий срок. К тому же он указал на опасность растущей безработицы в больших городах Китая. **Эвальд Бёльке** («Исследование и технология, Даймлер-Крайслер», Берлин) констатировал, что, с германской точки зрения, Китай всегда и в первую очередь воспринимался как государство, играющее чрезвычайно важную роль в мире. Он спросил, каковы же движущие силы процесса преобразований в Китае. Константин Эггерт поставил вопрос о том, готов ли Китай строить демократию и какую политику он будет проводить в будущем.

Хайке Хольбиг рассматривает в качестве движущих сил процесса преобразований в Китае локальные системы и элиты партийной и государственной иерархии. Очень значительную роль играют китайцы, находящиеся 25 лет в зарубежье. Старшее поколение зарубежных китайцев из азиатских стран активно уже давно, в то время как молодое поколение состоит прежде всего из студентов. Сейчас идет волна возвращенцев, которые получили на Западе хорошее образование. Компартия старается избавиться от имиджа классово-партийной партии и превратиться в современную народную партию. Отвечая на вопрос К.Гробе-Хагеля, она подчеркнула, что только компартия может гарантировать дальнейшее продолжение роста экономики. В своем усилии стать ближе к народу компартия проявляет определенный популизм. Руководство компартии по-новому выстраивает своё отношение к сельскому населению, поскольку его больше не обособляют, а осуществляют регулируруемую миграцию с целью улучшить формирование человеческого капитала. Благодаря этому должна стать возможной социальная мобильность с направлением вверх.

Отвечая на вопрос К.Эггерта о форме будущей китайской политики, **Вячеслав Никонов** отметил, что очень многое можно рассматривать как демократизацию. Может осуществляться, например, такая демократизация, которая отвечает интересам политического руководства. Однако Никонов исключил возможность развития в Китае в смысле гласности и перестройки. Точно также он исключил коллапс экономики Китая. Ему неизвестна ни одна

страна в мире, которая с экономическим ростом 10% в год попадала бы в состояние кризиса.

Э.-О.Чемпиль остановился на вопросе вооружения Китая и выдвинул тезис, что вооружение США прежде всего направлено против грядущего вызова со стороны Китая. Тем самым происходит передвижка гласиса в области политики безопасности в направлении Дальнего Востока. Китай воспринимает растущее вооружение Японии, Южной Кореи и Австралии, прежде всего в области противоракетной обороны, как задулисную угрозу со стороны США. **Петер Шульце** поставил вопрос о составе локальных систем, которые участвуют в определении курса трансформации Китая. Во-вторых, он спросил, существует ли вообще в Китае политика в сфере промышленности или технологии и, если да, то кто её определяет. Согласно **Х.Хольбиг**, в 1970 годы решающую роль в Китае играли крестьяне, а в 1980 годы «повестки дня» жизни страны определяли мелкие торговцы. В 1990 годы определяющей группой были клиентельные локальные системы. В настоящее время эти «повестки дня» в возрастающей мере контролируются государством и соответственно строго дисциплинированными партийными организациями.

В.Никонов остановился на высказывании Чемпиля о грядущем соперничестве между Китаем и США. Большое значение, отметил Никонов, имеет то, что как Китай, так и США исходят при этом из превосходства собственных культур. Далее он подчеркнул, что Китай по сравнению с Россией тратит на вооружение вдвое больше средств и располагает второй по численности армией в мире, причем в ряды которой может быть рекрутирована молодая поросль элит китайского общества. Проблема Тайваня обуславливает усиление военно-морского флота Китая, а также разработку и осуществление космической программы. Китай проявил также интерес к развитию политического сотрудничества с ЕС в области вооружений.

Третье заседание

После выборов в России: насколько прочно германо-российское партнерство?

В начале своего доклада **Герт Вайскирхен** (депутат Германского бундестага, спикер фракции СДПГ по вопросам внешней политики) напомнил участникам конференции об итогах выборов в Госдуму РФ. В преддверии выборов сам он считал за лучшее заключение союза между партиями Григория Явлинского («Яблоко») и Бориса Немцова (СПС), так как в этом случае возросли бы шансы на выборах у каждой из этих партий. Несмотря на печальный результат либеральных партий, развитие России со времени распада Советского Союза и до сего дня можно считать более или менее положительным. Запад надеется и ожидает, что придёт время для действительной демократизации и европейского развития в России. Сейчас же перед Западом встает вопрос, как он должен вести себя перед лицом нынешнего дефицита демократии в России. Вайскирхен считает, что существует необходимость для вмешательства в модернизацию России. Но Запад должен при этом подвергнуть проверке применяемый инструментарий. Ибо Петербургский диалог, к примеру, многое сильно бюрократизировал. Вайскирхен выразил надежду, что демократия утвердится также и прежде всего в российских регионах. К тому же он ожидает, что хорошее экономическое развитие России будет в свою очередь способствовать демократизации страны. Но одновременно официальные власти должны принять во внимание, что гражданское общество принципиально может находиться в противоречии с ними. Общественные разногласия должны быть допустимы и к таким противоречиям нужно относиться с выдержкой.

Эрих Г.Фритц (депутат Германского бундестага, председатель подкомитета по вопросам глобализации), выступавший со вторым докладом, подчеркнул, что между Германией и Россией существуют большое доверие и большие симпатии друг к другу, и сравнил германо-российские с германо-французскими отношениями. И эти факторы образуют самые лучшие

предпосылки для конструктивных отношений. Однако в перспективе никаких особых германо-российских отношений быть не может. Вместо этого должны быть расширены и укреплены отношения между Россией и ЕС. Центральный вопрос, по мнению Фритца, заключается в том, возможно ли в России – в Госдуме или вне её – развитие многообразия интересов и форм участия в политической жизни. Быстрая дифференциация общества в российских городах находит свое выражение не в результатах выборов. Случай с Ходорковским показал, что в настоящее время не существует равенства граждан перед законом. Это приводит к отсутствию безопасности. Несмотря на всё это, в Германии преобладает позитивный взгляд на Россию. Фритц считает правильным требование Вайскирхена усилить германо-российские контакты, включая дискуссии по спорным вопросам.

Дмитрий Любинский (Заместитель директора 4-го Европейского департамента МИД РФ, Москва) – третий докладчик на этом заседании – констатировал, что германо-российские отношения всегда определяли климат на европейском континенте. После окончания холодной войны они создали основу для хороших отношений в политически стабильной Европе. Хотя нельзя недооценивать сотрудничество Москвы с Брюсселем (ЕС), двусторонние отношения с Берлином и Парижем имеют большее значение. Любинский отнюдь не убежден в том, что расширение ЕС на восток включает в себя улучшение отношений между Москвой и ЕС. Хотя Любинский не стал входить в детали итогов выборов в Госдуму, он все же решительно не согласился с утверждением Вайскирхена, что у депутатов российской Госдумы менталитет чиновников.

В центре выводов Любинского – формирование партнерства между Германией и Россией. Им необходимо установить осознанную взаимозависимость, чтобы быть едиными в оценке будущих вызовов. Для этого нужно также, чтобы государственные мужи обладали стратегическим мышлением. Помимо того, германо-российские отношения должны быть встроены в европейские или международные рамки, дабы вообще не

допустить возвращения мысли о сравнении их с Рапалльским договором 1922 года. Индикаторами нынешних хороших отношений между обеими странами являются использование российского воздушного пространства для снабжения воинских подразделений ФРГ в Афганистане, готовность России предоставить для этого бундесверу транспортную авиацию и железные и автомобильные дороги. В случае расширения состава Совета Безопасности ООН Россия выступит за предоставление в нём Германии места постоянного члена. В заключение Любинский выразил неудовлетворение слишком малой, на его взгляд, готовностью германских предприятий делать инвестиции в России и потребовал больше программ по обмену для молодежи, чтобы улучшить их знание языка и общественный диалог в целом.

Открывая дискуссию, **Вячеслав Никонов** сказал, что критика Германией России слишком большая, потому что Россия как государство, находящееся в трансформации, «представляет собой полностью скучную, нормальную страну». Если в России нельзя найти идеальной демократии, то по сравнению с Турцией или с латиноамериканскими государствами она имеет прямо-таки образцовую политическую систему. В реплике в адрес Эриха Г.Фритца Никонов заметил, что 70% российского населения поддержало арест Ходорковского. **Эрнст Йорг фон Штудниц** выразил свое понимание российской политики при Путине. Сегодня Россия еще не может выстроить идеальную демократию. Германская политика должна поэтому, наконец, «прибыть в реальность». Штудницу возразил **Эрих Г.Фритц**. Критика России должна быть позволена, так как иначе может последовать дальнейшая автократизация политики. Но эта критика в области ценностей не должна нанести ущерба шансам на действительное сотрудничество. **Андрей Загорский**, адресуясь к Герту Вайскирхену, сказал, что нужно прекратить выяснять, чья система лучше – Путина или Ельцина. Намного большее значение имеет вопрос о том, может ли быть авторитарная модернизация. Сам Загорский охарактеризовал политическую систему в России как «Советский Союз с рыночной экономикой». Германии,

естественно, очень интересно наблюдать внутреннее развитие России. Тем не менее точный анализ и критика со стороны Германии не может представлять никакого препятствия для сотрудничества. **Хайнц Тиммерманн**, возражая А.Загорскому, сказал, что результат выборов в Госдуму в декабре 2003 года имеет для Германии большое значение. Наконец, благодаря ОБСЕ и Европейскому Совету между двумя государствами существует общая система ценностей. **Сергей Медведев** считает, что Россию вполне можно критиковать. Имея в виду характер отношений между государствами и институтами, он видит различие в трех формах: «Сотрудничество», как, например, между Советским Союзом и ЕС не содержало никаких обязательств. «Партнёрство», как, например, между Россией и ЕС содержит политические обязательства, в то время как «членство» несет с собой структурные обязательства. Так как между Россией и ЕС существует партнерство, критика России со стороны ЕС правомочна.

Петер В.Шульце указал на перелом в России в конце 1999 – начале 2000 годов, который вновь принес формирующееся и развивающееся государство. Начавшийся с тех пор экономический рост привел к развитию общественных групп и политических партий и к образованию и плюрализации интересов. **Александр Рар** полагает, что германо-российские отношения прошли большое испытание. Германия представляет собой для России ключ к Западу и может с пользой для России оказывать большое влияние на центрально- и восточноевропейские государства.

По оценке **Хайнриха Фогеля**, германо-российские отношения в рамках стратегического партнерства находятся в хорошем состоянии. Но, как полагает Фогель, это потемкинские фасады, ибо в России фактически существует полудинастическая структура. Фогель указал при этом на высказывания Путина относительно следующих выборов российского президента в 2008 году. Хотя Путин не намерен выдвигать свою кандидатуру, но он хочет сам определить своего наследника на посту президента. **Маргарета Моммзен** (профессор современной истории,

Университет имени Максимилиана Людвига, Мюнхен) поддержала оценку Госдумы РФ как вполне хорошо функционирующего парламента и, помимо того, как прилежного законодателя. Что касается фактов возвращения принятых законов в парламент по предложению правительства, то это является нормальной практикой правительств и на Западе. Особенно хорошее развитие конституционной системы в России произошло, полагает М.Моммзен, в 1998-1999 годы, когда премьер-министром был Евгений Примаков, а слабости президента Ельцина стали явными. **Федор Лукьянов** (Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва) подчеркнул, что потенциал гражданского общества в России, бесспорно, имеется. Коль скоро российское население конфронтирует с конкретными проблемами, то стало быть оно готово к действию. Но его нельзя склонить к борьбе за абстрактные цели. **Георгий Геродес** (Генеральный консул РФ в Бонне) указал на двойной стандарт Запада в подходе к выборам в Госдуму. Поражение на этих выборах партий, ориентирующихся на Запад, должно быть принято как свершившийся факт. Следует также учесть, полагает Геродес, что и в его консульском округе 73% избирателей на выборах президента проголосовали за Путина. В заключение дискуссии **Дмитрий Любинский** вернулся к высказыванию Сергея Медведева о формировании отношений между государствами и соответственно их режимами и подчеркнул значение – привлечших к себе большое внимание в международном масштабе – структур сотрудничества между Россией и Германией. Кроме того, в лице Гернота Эрлера выдающееся значение приобрело место координатора сотрудничества Германии и России на уровне гражданских обществ. Напоследок Любинский подчеркнул, что необходимо усилить внутрипарламентское сотрудничество между Госдумой РФ и Бундестагом ФРГ.

В конце рабочего дня впервые на Шлангенбадской конференции состоялось выступление с докладом еще одного гостя – **Вальтера Кольбо** (Парламентский статс-секретарь в Министерстве обороны ФРГ, Бонн).

В.Кольбо хорошо известен организаторам и участникам Шлангенбадской конференции, в работе которых он сам неоднократно участвовал. Поэтому докладчик и аудитория тепло приветствовали друг друга. В начале доклада Кольбо остановился на политическом императиве германской внешней политики в области безопасности, который исходит из широкого понятия безопасности. Он подразумевает, что все государства должны заниматься такими, например, проблемами, как Failed States, организованная преступность и нераспространение оружия массового поражения. Свою роль в качестве факторов понятия безопасности играет также политическое, общественное, экономическое и экологическое развитие. Это, во-первых. Во-вторых, нельзя добиться безопасности в одиночку. ФРГ практикует культуру сдержанности, причем насилие рассматривается только как последний довод. В-третьих, германская политика в области безопасности предусматривает многополюсность условий её осуществления. Так как ФРГ имеет обязанности в ООН, ОСБЕ и НАТО, с правительством ФРГ не может быть «Coalitions of the Willing». В этой связи Кольбо констатирует, что в результате участия бундесвера в зарубежных военных операциях изменился его характер: из армии обороны он превратился в армию, готовую к наступательным действиям. Тем самым бундесвер способствует внешнеполитической дееспособности Германии. В-четвертых, трансатлантическое партнерство продолжает оставаться основой безопасности Германии. Договор стран-членов ЕС о Европейской политике безопасности и политике обороны (ЕПБиПО) не конкурирует с НАТО, а дополняет ее. Полицейская миссия в Боснию-Герцеговину и миссии в Македонию и Конго усилили дееспособность ЕС.

Кольбо подчеркнул образцовый характер германо-российского сотрудничества по вопросам военной политики и политики в области безопасности. При этом он особо выделил предоставление германской авиации права использовать воздушное пространство России для перелётов в Афганистан. Благодаря более широкому и интенсивному сотрудничеству

между странами НАТО и Россией с 2002 года, прежде всего в военной области, Совет НАТО – Россия получил новое измерение и представляет собой центральный инструмент коммуникации. Поля сотрудничества России и ЕС Кольбо видит главным образом в областях гражданской обороны, транспорта, оказания помощи при катастрофах и недопущения распространения оружия массового поражения.

В последующей затем дискуссии **Александр Рар** обратил внимание на то, что Совет НАТО – Россия может быть расширен включением в него Грузии. НАТО или ЕС вместе с Россией могли бы взять на себя миротворческую миссию в Молдавии. **Петер В.Шульце** также говорил о развитии Совета НАТО – Россия и задался критическим вопросом, действительно ли имеется одна из двух сторон, которая согласна с открытостью и равноправием при сотрудничестве в области вооружения. **Вальтер Кольбо** отметил очень хорошее политическое сотрудничество между НАТО и Россией, которое имело место в Косово. Конечно, продолжал он, выравнивание командных структур имеет важное значение. В Совете НАТО – Россия существует полное доверия сотрудничество и позитивное развитие в области политики и вооруженных сил. Отвечая на вопрос Шульце, Кольбо отметил, что у Германии и России есть возможность для сотрудничества в области космонавтики. **Эвальд Бёльке** указал на уже совместно проводимые маневры вооруженных сил НАТО и России и, в свою очередь, поставил вопрос о возможностях совместного предотвращения конфликтов в «ближнем зарубежье».

По мнению **Павла Золотарева** (генерал-майор в отставке, заместитель директора Института США и Канады РАН. Президент Фонда в поддержку военных реформ, Москва), задачи политики ЕС в области безопасности не отличаются от таковых в России. Возникает поэтому вопрос об алгоритме этих задач. Дискуссия по этому вопросу находится в самой начальной стадии. В обозримом будущем следует создать структуры для решения совместных задач в области безопасности. Кроме того, он указал на

перспективу создания совместных военных предприятий для совместного же развития и использования различных систем вооружения. Помимо всего, это позволит также обеим сторонам сэкономить на расходах. Он обратился к Вальтеру Кольбо, который в своем докладе ясно дал понять, что едва ли есть шансы на германо-российское сотрудничество в области технологии вооружений. Золотов спросил Кольбо, в чем он видит причины этого.

На вопрос о проблеме сотрудничества в области вооружений Кольбо ответил, что он имел в виду провал проекта с самолетом «Антонов-70» и наступившую затем стагнацию. Но вместе с тем он считает, что Европейское агентство по вооружениям может в будущем сыграть позитивную роль в решении этой проблемы. **Клаус Виттманн** к замечаниям Золотарева добавил, что в отличие от представлений российских военных на практике существует намного лучшее отношение к России. Но все без исключения генералы и полковники, которые работали в Совете НАТО – Россия, были уволены или отправлены на пенсию, или каким-то другим образом лишены своего прежнего статуса. Виттманн потребовал от российской стороны устранить клише и помехи применительно к взгляду на НАТО. **Андрей Загорский** задал вопрос относительно готовности правительства ФРГ с мандатом ООН принять участие в миротворческой операции в Ираке. **Кольбо** дал отрицательный ответ относительно отправки германских солдат в Ирак, но подчеркнул, что возможно участие ФРГ в подготовке иракских сил безопасности.

Четвертое заседание

Стратегическое, тактическое партнерство или никакого? Сложные отношения между Россией и Европейским Союзом

В начале своего доклада **Владимир Рыжков** (депутат Госдумы РФ, Москва) остановился на одном замечании Герта Вайскирхена, сделанного на предшествующем заседании. Рыжков решительно возразил против тезиса о незначительности российского парламента. Согласно Рыжкову, жесткая парламентская дискуссия по поводу ратификации договора о границе с

Украиной доказывает наличие плюрализма мнений, хотя парламент сегодня находится в ослабленном состоянии. На его взгляд, в отношении возможностей сотрудничества с Россией в ЕС преобладают евроскептики, которые доминируют над еврооптимистами. Себя Рыжков считает российским еврооптимистом, тем более что нынешнее расширение ЕС усилило взаимозависимость между ним и Россией. Поэтому Россия выигрывает в своем значении для ЕС. ЕС уже давно играет выдающуюся роль для России. Например, на ЕС приходится 55% российской внешней торговли, в то время как на США – всего 6% и на Китай – только 5%. Однако стратегия сотрудничества ЕС с Россией образца 1999 года устарела. Теперь у Брюсселя должна быть новая стратегия для сотрудничества с Россией. На недавних переговорах ЕС по всем пунктам пошел навстречу России. Так, например, был достигнут хороший компромисс по вопросу обхождения с русским меньшинством в Латвии. В стадии регулирования находится вопрос о транзитном движении между Россией и Калининградом.

В отношениях между Россией и ЕС Рыжков сравнил Россию с локомотивом, а что касается проблемы интеграции, он подчеркнул наступательный характер российской позиции. Соответственно он отвёл ЕС роль тормоза, а позицию по вопросу интеграции определил как оборонительную. В качестве примера он привел инициативы президента Путина по урегулированию транзитного движения между Россией и Калининградом, а также в целом по визовому режиму. ЕС следует сначала изучить и затем обсуждать проблему, иначе не будет найдено никакого решения. Россия быстрее воспринимает инициативы и сразу же апробирует возможности для их реализации. Так, например, после того как Романо Проди очертил возможность создания общего экономического пространства ЕС и России и высказался по поводу возможного вступления России в ВТО, президент Путин тотчас же учредил комиссию высокого ранга. Что касается будущего формирования отношений между ЕС и Россией, то у большей части российского населения существует опасение, что новые государства –

члены ЕС могут занять антироссийскую позицию. Направленная против России политика ожидается прежде всего из Варшавы, Праги, Таллина и Риги. И всё-таки Рыжков считает, что в будущем центрально- и восточноевропейские государства займут позитивную позицию в отношении России. Поэтому Рыжков ожидает, что ЕС после своего расширения на восток у ЕС будет новая восточная политика. Однако, проблематичной выглядит ситуация, когда никто не может сказать, что является целью интеграции ЕС. Недавно в этой связи Романо Проди подчеркнул, что ни Украина, ни Молдавия не могут быть членами ЕС. Россия в этом отношении всегда занимала последовательную позицию и заявляла, что она не хочет быть членом ЕС. Тем не менее в рамках концепции общих пространств, диалога по вопросам энергетики и возможного вступления России в ВТО имеется достаточно большой потенциал для сближения ЕС и России.

Начиная свой доклад, **Рудольф Шарпинг** подчеркнул, что по глобальным вопросам сотрудничество ЕС и России обязательно необходимо. Как Россия, так и Германия сильно заинтересованы в сотрудничестве в области энергоснабжения. Шарпинг также предложил основать совместный банк развития для улучшения инфраструктуры и для поддержки средних предприятий. Шарпинг не согласился с оценкой Рыжковым отношения центрально- и восточноевропейских стран к России. Хотя вообще, признал Шарпинг, существует значительное число антироссийских ориентаций. Цель ЕС состоит в том, чтобы уменьшить антироссийские настроения. Шарпинг считает, что германо-российские отношения находятся в необыкновенно хорошем состоянии. Из-за долгого приобщения политиков к конфликту Восток – Запад всё еще продолжают существовать остатки блокового мышления. Но поскольку будущие конфликты станут разворачиваться по оси Север – Юг, как считает Шарпинг, то обязательно необходимо сотрудничество стран в Северном полушарии.

В последовавшей дискуссии **В.Никонов** оценил предложение Шарпинга о создании германо-российского банка развития как очень

хорошее. **Вольфанг Шрёттль** (профессор теории народного хозяйства, Свободный университет, Берлин) выразил несогласие с оценкой Рыжкова России как активного партнера ЕС: «Россия – это жених, а Брюссель – это невеста». **Эгберт Ян** заявил, что мог бы себе представить поставленными под сомнение как позицию Шарпинга, так и взгляд Рыжкова касательно ориентации обществ в центрально- и восточноевропейских государствах относительно России. Он выступил за сознательный отказ от высказываний о возможном вступлении Молдавии и Украины в ЕС, потому что интеграционная способность ЕС сильно переутомлена. На взгляд **Гюнтера Йотце**, в германо-российских отношениях имеется тенденция к отмежеванию. Это, конечно, нежелательно, но, как говорится, «если отношения хорошие, то постоянно возникают новые проблемы». Он констатировал, что самой большой проблемой общей внешней политики ЕС является полное расхождение во мнении у государств – членов ЕС относительно формирования отношений с США. Когда новые члены ЕС осознают, что их опасения России несправедливы, то их до сих пор сильная склонность к США пойдет на убыль. **Андрей Загорский** считает нужным внести ясность в понятие «общее экономическое пространство». Он полагает, что в общем экономическом пространстве должна быть общая правовая основа, что, в свою очередь, возможно после соответствующего приспособления национального законодательства.

Маргарета Моммзен указала на то, что Ельцин на российско-американской встрече в верхах в 1997 году весьма хорошо отзывался о возможности вступления России в ЕС. Но это следует рассматривать, имея в виду предстоящее тогда расширение НАТО на восток. **Федор Лукьянов** заметил, что обе стороны стоят перед проблемами формального и содержательного характера, так как бюрократия ЕС намного эффективнее российской бюрократии. Российская бюрократия также не имеет представления о функции своих коллег в ЕС. Важно не планировать «великое», сказал Лукьянов, а улучшать повседневное сотрудничество.

Александр Рар подчеркнул, что Россия скорее всего стремится к сотрудничеству с государствами Кавказа и СНГ. Но во всяком случае Калининград представляет собой важный пункт для сотрудничества между Россией и ЕС. Рар обратил внимание на значительные трудности демократизации в Белоруссии. Хайнц Тиммерманн также видит в решении транзитной проблемы Калининграда существенную предпосылку для будущего развития отношений России и ЕС вообще и между прибалтийскими государствами и Россией в особенности. Тиммерманн заметил, что ЕС вовсе не намерен поглощать Белоруссию. Напротив, ЕС заинтересована в демократизации Белоруссии. **Хельмут Домке** (руководитель отдела по странам СНГ, Центральной и Восточной Европы и ЕС федеральной земли Бранденбург, Потсдам) сказал, что на примере Калининграда ЕС может проверить действенность своей новой политики соседства с Россией. На его взгляд, при решении связанных с Калининградом проблем Россия на короткий срок проявила политическую волю, которая, однако, в долгосрочном плане у неё отсутствует. К тому же у Калининграда нет лобби в Москве. **Евгений Гавриленков** (управляющий директор – главный экономист, инвестиционная компания «Тройка Диалог») отметил, что нужны импульсы для более оживленных переговоров. Он напомнил, что экономическое сотрудничество способствует развитию политических отношений. Гавриленков высказал опасение, что безвизовый режим приведет к тому, что многие россияне устремятся в страны ЕС. **Георгий Геродес** отметил, что в Германии живут три миллиона переселенцев. Тем самым Россия как бы уже находится в ЕС. **Вильгельм Ханкель** (профессор теории народного хозяйства Франкфуртского университета, Франкфурт-на-Майне) обратил внимание на то, что существует потребность в усиленном сотрудничестве между Россией и ЕС в валютной сфере. Такое сотрудничество будет также полезно для растущего фактурирования торговли в евро. Наконец, Россия и ЕС – посредством создания монетарного

комитета между их центральными банками – должны проводить совместную политику в отношении американского доллара.

В заключительном слове **Рудольф Шарпинг** констатировал, что сотрудничество между НАТО и Россией функционирует лучше, чем между ЕС и Россией. Это объясняется ясными структурами НАТО. Всего этого нет у ЕС и поэтому необходимо, чтобы ЕС установил ясные интересы, приоритеты и цели. По причине многочисленных внутренних проблем в ЕС и его недостаточной консолидации должно быть ясно, что ЕС на долгое время неспособен к расширению. **Владимир Рыжков** в своем заключительном выступлении остановился на отношениях между Россией и её соседними государствами. Большой потенциал для сближения России и этих государств он видит в экономическом сотрудничестве. Между Россией и Прибалтийскими государствами в будущем следует по образцу ЕС реализовать концепцию четырех свобод: человека, капитала, услуг и товаров. Украина также является очень важным партнером для России ввиду, в частности, украинских поставок стали России и транспортировки Украиной российской нефти. Относительно перспективы вступления в ЕС, то Рыжков считает, что её не будет долгое время. В самом конце своего выступления Рыжков остановился на отнюдь не беспроблемном отношении к Белоруссии как торговому партнеру.

Продолжение четвертого заседания

(основные темы обсуждения: оборона и безопасность)

В начале своего доклада **Ульрих Бранденбург**, напомнив о согласованной во время последней германо-российской встречи в верхах в 2003 году концепции четырех общих пространствах внешней и внутренней безопасности и культурного и экономического сотрудничества, сказал, что он остановится только на внешней безопасности. Прежде всего Бранденбург отметил, что, по его мнению, принять Договор о Европейской политике в области безопасности и обороны (ЕПБиПО) ЕС заставила крайняя нужда: конфликт в Косово воочию показал отсутствие европейской политики в

области безопасности и стал поэтому решающим импульсом её появления. Наконец, развал в ЕС из-за конфликта в Ираке продемонстрировал внешнеполитическую слабость ЕС. Всё это, по мнению Бранденбурга, свидетельствует о том, что договору о ЕПБиПО нужно придать стратегический характер. В этой связи он поставил вопрос: насколько ЕС институционально подготовлен к сотрудничеству с Россией в области безопасности и внешней политики. ЕС является не объединением целевого назначения, а образованием *sui generis*. Наднациональная организация и передача безопасности общим институтам требуют высокой степени формализации, что, однако, вместе с полугодовым сроком председательства в ЕС президентов или глав правительств стран-членов ЕС представляется трудной комбинацией. Это вызывает искусственное давление времени, которое будет сокращаться лишь в том случае, если удастся ввести общего для всего ЕС пост министра иностранных дел. Россия не принимает всерьез внешнюю политику ЕС, хотя ЕС имеет с Россией такую сеть тесных отношений, как едва ли с какой-нибудь другой страной. Здесь возникает вопрос об основе для двустороннего партнерства. Бранденбург отметил как наличие общих ценностей в качестве фундамента партнерства, так и существование различных традиций. ЕС выступает за многополюсность, господство права и поиск компромисса. Россия, напротив, связана с другими факторами: тысячелетняя традиция, недавняя сверхдержава, долгая авторитарная традиция, авторитарные тенденции на стыках СНГ, право вето в Совете Безопасности ООН, игра с нулевой суммой. Однако вопреки прежней логике игры с нулевой суммой Путин, исходя из общего интереса, после 11 сентября сразу же вступил в коалицию против террора. Бранденбург констатировал далее совместные интересы в воспрепятствовании распространению оружия массового поражения, в борьбе против наркотиков и в достижении политической стабильности. Наконец, ЕС и Россию объединяют общие интересы в установлении стабильности и демократии на Ближнем Востоке.

Павел Золотарев в сотрудничестве ЕС и России видит как основание для оптимизма, так и негативные стороны. Ввиду глобализации угрожающих факторов возникли общие угрозы, которые исключают действия в одиночку. Исходя из этого, Золотарев высказался за усиление сотрудничества в области новой оружейной техники. Из-за опасности распространения оружия массового поражения часто забывают о том, что в кризисные районы беспрепятственно поступает обычное оружие. По мнению Золотарева, НАТО в противоположность ЕС непригодно для борьбы с этим злом. По причине действующего в НАТО принципа единогласия она недееспособна для решения политических проблем в области безопасности. Но эту нишу не может занять и Договор о ЕПБиПО. В заключение Золотарев подтвердил сказанное Клаусом Виттманном о судьбе российских военачальников, ранее работавших в Брюсселе; они действительно были понижены в должности, либо уволены или отправлены на пенсию. Это свидетельствует о том, что во главе российского министерства обороны всё еще стоят сторонники «холодной войны».

В последовавшей затем дискуссии **Сергей Медведев** остановился на вопросе Ульриха Бранденбурга о «происхождении Европы и России». При этом он сослался на Роберта Катана, который видит различие между США и Европой в том, что Европа происходит от Венеры, в то время как США – от Марса. Оставаясь в рамках этой картины, он заметил, что Россия тоже происходит от Марса. **Ханс В.Оденталь** (полковник, начальник учебной части Федеральной академии политики в области безопасности, Бонн) выразил сожаление по поводу того, что российские военные отсутствуют в учебных заведениях НАТО по повышению квалификации и проистекающими отсюда у них недостатками в знании механизмов НАТО. **Эрнст Йорг фон Штудниц** высказался критически относительно возможной военной реформы в России и заметил, что реформа такого замысла может быть осуществлена только в том случае, если само российское министерство обороны возьмет в руки ее проведение. В этой связи **Хайнц Тиммерманн**

спросил, почему США отказываются от сотрудничества с Россией в проведении этой военной реформы.

В своем ответе **Золотарев** дал понять, что замысел военной реформы не зафиксирован ни в одном документе. Он обрисовал примерный потенциал изменения и отметил при этом, что структуру российской армии, по его мнению, быстро изменить нельзя. Обращаясь с репликой к фон Штудниццу, он подчеркнул, что инициатива проведения военной реформы должна исходить извне, так как многие задачи реформы армии решаются, например, в администрации президента или в министерстве финансов. Что касается демократических установок, то они едва ли имеются внутри российской армии. **Ульрих Бранденбург** согласился с Хансом В.Оденталем, что сотрудничество между НАТО и Россией больше не функционирует в такой мере, как это было в, например, 1999-2000 годы в Боснии – Герцоговине. На его взгляд, развитие военного сотрудничества внутри ЕС должно идти в направлении создания военной промышленности ЕС, которая по сравнению с НАТО получила более высокий уровень интеграции. Всё – от планирования через изготовление и до доставки – должно выполняться под руководством единого органа. В заключение Бранденбург подверг критике слишком большой масштаб принципиальной дискуссии относительно договоров стран-членов ЕС об Общей внешней политике и политике безопасности (ОВПиПБ) и о ЕПБиПО и в качестве примера привел «дебаты призраков» о возможном приведении в действие ОВПиПБ в Молдавии.

Пятое заседание

От «управляемой демократии» к «управляемой экономике»?

Евгений Гавриленков в начале своего доклада констатировал желание российского государства проводить либеральную экономическую политику, но также и большие трудности при его реализации. Авторитарная модернизация по образцу Южной Кореи или Тайваня в России невозможна, так как процесс урбанизации давно завершился и никакого прироста населения не будет. К тому же у правительства по причине получения

высокой выручки валюты от добычи нефти существует сверхвысокий интерес к энергетическому сектору, который Гавриленков обозначил в качестве катализатора роста российской экономики. Однако высокая цена на нефть снижает давление к инвестициям внутри российской экономики и ведет ее к большой зависимости от экспорта нефти, а настоятельно необходимая диверсификация заставляет себя ждать. Помимо того, концентрация на энергетическом секторе ведет к неполному использованию рабочей силы российского населения. В 2003 году, несмотря на 7% рост экономики, занятость трудового населения России уменьшилась на 6%. Микроэкономические условия для предприятий являются хорошими. Большой проблемой продолжает оставаться неразвитость банковского сектора. Российские банки располагают слишком малой компетенцией в отношении предоставления крупных кредитов, всё еще остается необходимым финансирование через международные банки. Гавриленков завершил свой доклад такой оценкой перспективного характера: высокий национальный доход поднимет также спрос на демократию.

Клаус-Дитер Бергнер (старший вице-президент, Центральная и Восточная Европа, Европейская аэрокосмическая и оборонная компания (ЕАДС), Париж), приступая к своему докладу, подчеркнул, что государственный контроль над определенными отраслями промышленности распространен во всем мире и не является чем-то необычным. И в США, где военные предприятия контролируются частным капиталом, политика занятости на них, научные исследования для них и их развитие находятся под наблюдением государства. Для военных предприятий особенно важно, чтобы их появлению предшествовала консолидация страны. Только тогда эти предприятия приобретут необходимую силу, чтобы выстоять на мировом рынке. Здесь Россия не представляет никакого исключения. Сотрудничество в области вооружения на международном уровне должно быть сперва изучено, чтобы спокойно заниматься им, исходя из перспективы каждого отдельного государства. В области вооружения в тенденции существует

незначительный интерес к сотрудничеству, потому что каждое государство в первую очередь хочет обеспечить собственные способности к безопасности. Учитывая всё это, сказал Бергнер, германо-российское сотрудничество в области вооружения пока еще невозможно. Так, в ходе совместного строительства транспортного самолета «Антонов А-400М» уже возникла проблема при поставке одного механизма российским партнером, поскольку это означало и передачу Know-How в области военной техники.

В начале заключительной дискуссии **Петер В.Шульце** сравнил российскую экономику с сэндвичем. Тонкий верхний слой образуют интенсивно оперирующие капиталом и действующие на мировом рынке концерны. Толстый средний слой состоит из огромных бывших советских предприятий, которые остались без инвестиций. Тонкий нижний слой составляют недавно основанные малые предприятия. **Оливер Вик** (управляющий, Восточный комитет германской экономики, Берлин) считает, что по-прежнему полностью открытым остается вопрос о финансировании российского среднего слоя. К тому же следует распустить вертикальную интеграцию так называемых естественных монополий. По мнению **Вильгельма Ханкеля**, в России существует большое различие между сектором энергетики, в который вливается много инвестиций, и весьма пренебрегаемой остальной частью экономики. Ханкель сравнил нынешнее положение российской экономики с ситуацией в ФРГ в начале 1950-х годов. Только тогда, когда германские банки достигли определенной силы, их распределительная функция стала действенной. В России этого еще нет.

Гавриленков заявил, что разделяет высказывания Шульце и Ханкеля относительно дефицита капитала на российском рынке. Ввиду незначительной капитализации российского рынка капитал быстро увеличивается, но при этом отсутствуют долгосрочные инвестиции и налицо лишь медленный процесс аккумуляции капитала. **Вольфрам Шрётль** не согласился с утверждением Гавриленкова, что на российском рынке существует недостаток денег, напротив, подчеркнул он, имеются избыточные

резервы. Но из-за неопределенности политического и экономического положения банки страшатся инвестировать деньги. **Хайнрих Фогель** высказался против утверждения Гавриленкова относительно взаимосвязи между экономическим ростом и демократизацией и в качестве примера привел Саудовскую Аравию. На взгляд Фогеля, структура общественного продукта в России со времен Советского Союза не претерпела решающего изменения. Россия по-прежнему зависит от цен на мировом рынке. Далее он подчеркнул значение демографического фактора и спросил, откуда в России могут появиться средства для социальных услуг больному и стареющему российскому обществу. **Роланд Гётц** указал на административное установление цен на российскую энергию, в результате чего внутренние цены в России намного ниже тех, которые существуют за рубежом. Правительство обосновывает это социально-политическими причинами, но фактически оно удовлетворяет секторальные экономические интересы. Из-за отсутствия стимулов к экономии происходит экстремально высокое расходование энергии. «Газпром» соглашается на низкие цены на энергию внутри страны, несмотря на обусловленные этим потери, ибо в ответ на это государство не требует перестройки его структур. **Юрген Мёперт** (руководитель представительства компании «Винтерсхалль АГ» в РФ, Москва) остановился на торговле газом между Россией и Германией. «Газовая война» в последние годы стала возможной только потому, что важные касающиеся собственности вопросы и вопросы о ценах не были своевременно освещены. Хотя понимание в технологической области функционирует, в области политической коммуникации появился некоторый дефицит. В заключение Мёперт заметил, что российская экономика уже прибыла в ЕС, если обратить внимание на то, что «Газпром» уже инвестировал в Германии 1 млрд. долларов США.